

УДК 343.137.5

DOI 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.552-557

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ОВСЯННИКОВ,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-4226-5958,
e-mail: ivover@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СЛУЧАЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Для цитирования

Овсянников, И. В. Восстановление социальной справедливости в случаях совершения преступлений несовершеннолетними / И. В. Овсянников // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 4. – С. 552–557. – DOI : 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.552-557.

Аннотация. В статье анализируется проблема восстановления социальной справедливости – одной из трех установленных в уголовном законе целей уголовного наказания. Делается вывод о том, что, несмотря на явный приоритет, который законодатель отдает этой цели, в законе не раскрыто содержание понятия «восстановление социальной справедливости» и не указаны критерии достижения данной цели. Обращается внимание на то, что в отличие от двух других целей наказания (исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений) в действующем Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации о восстановлении социальной справедливости не упоминается. Обосновывается мнение о том, что совершение преступления несовершеннолетним лицом свидетельствует о неполучении им правильного нравственного и правового воспитания. С учетом этого обстоятельства восстановить социальную справедливость путем наказания подростка проблематично, поскольку наказание само по себе не может восполнить недостаток необходимого любому ребенку воспитания. С опорой на Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1985 году, аргументируется точка зрения о том, что в случаях совершения преступлений несовершеннолетними цели восстановления социальной справедливости в большей мере соответствовало бы не назначение им наказания, а применение к ним принудительных мер воспитательного воздействия. В связи с этим актуализируются проблемы содержания таких мер, выбора

© Овсянников И. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

на практике оптимальной меры или комплекса мер в каждом конкретном случае. В теоретическом плане требуют своего решения и вопросы правовой природы и целей принудительных мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: цель применения наказания, восстановление социальной справедливости, совершение преступления несовершеннолетним, принудительные меры воспитательного воздействия.

В ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) закреплена следующая норма: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Среди трех целей применения наказания на первое место поставлено восстановление социальной справедливости. Более того, перед двумя другими целями наказания, перечисляемыми в процитированной норме закона, стоит союз «а также». В русском языке сложный союз «а также» употребляется для присоединения однородного члена предложения, который, являясь добавочным, отграничивается от другого или от ряда других однородных членов [1]. Отграничивая вторую и третью цели от первой, законодатель тем самым стремится подчеркнуть важность и приоритетность именно первой цели. Однако содержание понятия «восстановление социальной справедливости» в уголовном законе не раскрыто, критерии достижения этой цели не указаны. При этом в действующем Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации о восстановлении социальной справедливости даже не упоминается (в отличие от двух других целей наказания). Такая ситуация порождает в науке различные мнения и дискуссии по этим вопросам и затрудняет их понимание практическими работниками.

В научной литературе имеется точка зрения, согласно которой суть основной цели наказания усматривают в максимальной соразмерности наказания установленным обстоятельствам совершенного преступления, а также общественной опасности содеянного и личности виновного [2, с. 12].

При этом в современной науке уголовного права исследователи проблем, касающихся целей уголовного наказания, восстановление социальной справедливости связывают с возмездием [2, с. 13; 3, с. 220; 4, с. 13, 79, 87–88; 5]. О. Н. Бибик рассматривает возмездие как справедливое воздаяние за причиненное преступником зло и обосновывает, что неотъемлемой целью уголовного наказания является возмездие [6]. Характер мести и возмездия придавался наказанию и в прежние времена [7, с. 53].

В толковых словарях русского языка слово «возмездие» толкуется как отплата, кара за преступление, за зло [8].

В советском уголовном праве возмездие как цель наказания обычно отрицалось. В ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. (СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590) указывалось: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник, поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

И. И. Карпец считал, что наказание назначается не только *для того*, чтобы наказанный не совершал преступлений, но и *за то*, что он совершил, тем не менее возможность возмездия как цели наказания отрицал [9, с. 144–145].

Некоторые ученые приписывали наказанию и определенные свойства восстановительного и полезного для общества характера, что связывалось и с целью наказания. Так, в 1981 г. в статье, опубликованной в журнале «Советское государство и право», Б. С. Никифоров называл призыванием наказания восстановление общественных отношений, нарушенных (дезорганизованных) преступлением, и отмечал, что «важнейший элемент общественной полезности наказания, его существеннейшая интегративная цель заключаются... в том, что применение наказания есть способ возвращения нарушенного социально-психологического порядка в упорядоченное состояние, есть метод его восстановления. В результате применения наказания состоявшееся нарушение как бы «погашается» как в социальной действительности, так и в общественном сознании» [10, с. 210–212, 215]. По мнению Ф. М. Решетникова, О. Ф. Шишова и А. А. Гравиной, анализ наказания с такой позиции объясняет назначение наказания как средства восстановления социальной справедливости [10, с. 7].

В тех случаях, когда преступления совершают несовершеннолетние лица, по нашему мнению, нарушения должного социально-психологического порядка заключаются прежде всего в том, что взрослые члены общества не обеспечили этим подросткам необходимого правильного нравственного и правового воспитания, которое удерживало бы их от правонарушений, где-то допустили безнадзорность или насилие и жестокость при воспитании (в научной литературе подчеркивается, что правонарушающее поведение в быту, в том числе проявления жестокости и насилия в семье, пьянство, скандалы, являются основными факторами, способствующими формированию криминальной личности [11]), а может быть, и вовлекли несовершеннолетних в преступную деятельность. Именно в этом видится основная проблема. Молодые люди, как принято считать, являются будущим каждого государства и любого общества, но пока далеко не у всех детей есть удовлетворительные жилищные условия, возможности для обучения и получения профессиональных навыков, развития творческой деятельности. Известно, что причины подростковой преступности во многом обусловлены социально-экономическими условиями бытия [12].

Совершение несовершеннолетним лицом преступления – это, конечно, тоже нарушение социально-психологического порядка, но вторичное, являющееся следствием первого нарушения, поэтому в этих случаях одним лишь наказанием подростка восстановить нарушенный порядок (социальную справедливость) и вернуть его в упорядоченное состояние проблематично, так как наказание само по себе не может заменить необходимого любому ребенку нравственного и правового воспитания.

Если понимать под восстановлением социальной справедливости осуществление возмездия путем назначения, исполнения и отбывания наказания, соразмерного общественной опасности содеянного и личности виновного, то в отношении взрослого осужденного такая цель наказания представляется в принципе достижимой по сравнению с двумя другими – исправлением осужденного и предупреждением совершения новых преступлений. Дело в том, что даже в случаях назначения, исполнения и отбывания соразмерного и справедливого наказания эти две другие цели на практике часто так и не достигаются, о чем говорят факты совершения ранее осужденными повторных преступлений. Например, в 2019 г. среди лиц, совершивших преступления, ранее совершавших преступления оказалось 57,0 %, из них ранее судимых за преступления – 51,9 % [13].

Среди выявленных в 2019 г. лиц, совершивших преступления, было 37 953 несовершеннолетних, в том числе 9357 (24,7 %) – ранее совершавших преступления; 3520 (9,3 %) – ранее судимых за преступления [13].

Что касается несовершеннолетних обвиняемых – подростков, то в ст. 38 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их, а также обязанность государства защищать детство и семью. В преамбуле Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указано, что государство исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности. Ученые и практические работники констатируют, что несовершеннолетние из неблагополучных слоев общества оказались в положении, когда ни семья, ни государство не обеспечивают их должное развитие и воспитание [14; 15, с. 87].

Важно учитывать, что по смыслу п. 5.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил), принятых резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., главной целью правосудия в отношении несовершеннолетних является обеспечение их благополучия. В п. 17.1 данного документа компетентному органу предписывается при выборе мер воздействия руководствоваться, в частности, принципами, согласно которым меры воздействия «должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества», «при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором».

Следует отметить, что в России эти идеи воплощались в жизнь уже в начале XX в., когда порядок производства по делам о несовершеннолетних имел значительные особенности. Открывались особые суды для несовершеннолетних (1910 г. – в Санкт-Петербурге, 1912 г. – в Москве), которые называли детские суды, и их основная цель заключалась в том, чтобы «путем особых принудительно-воспитательных и процессуальных мероприятий не только оградить несовершеннолетнего от вреда, грозящего ему от применения к нему общих наказаний и общего порядка процесса, но и принести ему существенную пользу и тем спасти его от дальнейшего возможного падения» [16, с. 515]. К тому же назначаемые судьей «в качестве последствий преступных деяний несовершеннолетних меры должны быть наиболее приспособлены к педагогическим задачам... Карательный элемент из этих мер должен быть, по возможности, устранен» [16, с. 515].

Таким образом, вряд ли можно говорить о восстановлении социальной справедливости (с точки зрения общества, а не потерпевшего) в случаях, когда после выявления указанной выше проблемы с воспитанием у конкретного подростка, обвиняемого в совершении преступления, вместо восполнения недостатка воспитания, необходимого для формирования законопослушной личности, вместо обеспечения его достойным воспитанием, что соответствовало бы интересам социума и самого подростка, общество осуществляет возмездие, месть или кару в отношении его.

С учетом изложенного отметим, что в случаях совершения преступлений несовершеннолетними цели восстановления социальной справедливости в большей мере соответствовало бы не назначение им наказания, а применение к ним принудительных мер воспитательного воздействия, возможность чего предусмотрена в ч. 2 ст. 87,

ст. 90 и 92 УК РФ. Принудительным мерам воспитательного воздействия следует придавать значение не возмездия, мести или кары за совершенное преступление, а восполнения недостатка необходимого несовершеннолетнему воспитания и обеспечения его достойным воспитанием. В связи с этим представляются актуальными проблемы, касающиеся содержания таких мер, выбора оптимальной меры или комплекса мер в каждом конкретном случае и их практической реализации, а также их правовой природы и целей применения. Решение этих вопросов не только представляет академический интерес, но и имеет важное практическое значение. Однако действующее законодательство не способствует единообразному пониманию и решению этих вопросов властными участниками уголовного судопроизводства. Так, в отличие от целей применения наказания и принудительных мер медицинского характера цели применения принудительных мер воспитательного воздействия, перечисленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ, в уголовном законе не сформулированы. Очевидно, прояснить эти вопросы должна наука уголовного права.

Библиографический список

1. Большой современный толковый словарь русского языка. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/2148.html> (дата обращения: 22.06.2020).
2. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 10–14.
3. Уразбаев Р. Ш. О достижимости и приоритетности целей наказания // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 218–225.
4. Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2017. 251 с.
5. Лядов Э. В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 215–218.
6. Бибик О. Н. Возмездие как цель уголовного наказания // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2012. № 4(33). С. 166–171.
7. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. : Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 514 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/26502> (дата обращения: 30.07.2020).
9. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юридическая литература, 1973. 228 с.
10. Никифоров Б. С. Избранное / сост. А. А. Гравина. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 224 с.
11. Шмарион П. В. Самовоспроизводство насилия в семье в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 274–277.
12. Гилинский Я. И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. 2010. № 2(7). С. 84–90.
13. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. URL : <https://мвд.рф/reports/item/19412450> (дата обращения: 16.06.2020).
14. Интервью и. о. руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю Игоря Иванова // Ставропольский

репортер. URL : <https://stavropol.sledcom.ru/news/item/1046095/?pdf=1> (дата обращения: 21.06.2020).

15. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87–100. DOI : 10.18384/2310-6794-2018-2-87-100.

16. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914. 547 с.